

Андрей Николаевич Воронин
Слепой. Живая сталь
Серия «Слепой»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8337200
Воронин А. Слепой. Живая сталь: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083298-9

Аннотация

В венесуэльском городе Сьюдад-Боливаре запущен в эксплуатацию вагоностроительный завод. Однако, помимо официального производства, на нем имеется подпольный цех по сборке танков. Одновременно с запуском этого завода вся страна оплакивает скончавшегося от тяжелой болезни команданте. На похоронах кто-то замечает, что у покойника «не его уши». Этот факт дает повод усомниться в том, что лежащий в гробу – действительно Уго Чавес. Связаны ли между собой эти события, и если связаны, то как – в этом предстоит разобраться агенту ФСБ Глебу Сиверову по кличке Слепой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Воронин

Слепой. Живая сталь

©Андрей Воронин, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

У одного, в общем и целом неплохого, неглупого, добродушного и хлебосольного человека, занимающего весьма ответственный пост, имелся племянник. Племяннику было четырнадцать, и у него, в свою очередь, имелся персональный компьютер – дело в начале второго десятилетия двадцать первого века едва ли не более обыкновенное и широко распространенное, чем племянник как таковой. И, как это чаще всего случается в нашем несовершенном мире, такое великое, вплотную граничащее с самой настоящей магией достижение человеческого гения, как компьютер, использовалось из рук вон плохо – откровенно говоря, для полнейшей ерунды наподобие компьютерных игр с пальбой и брызгами крови на стенах, за которыми племянник уважаемого дядюшки был готов проводить все двадцать четыре часа в сутки.

Одна из этих бессмысленно жестоких игрушек называлась «Half-Life». Не блещущий глубокими познаниями в английском дядюшка приблизительно, наобум перевел это название как «Полу-Жизнь». В точности перевода он, конечно, сомневался, а внести полную ясность путем обращения к специалистам так и не собрался по причине большой занятости и заведомой вздорности вопроса. Впрочем, многое указывало на то, что сделанный им перевод был довольно точным. Так, на заставке этой самой «Half-Life», которую племяш для краткости именовал «Халфой», красовался портрет некоего худощавого, мрачноватого гражданина с торчащим на месте левого глаза барашком от обыкновенного водопроводного вентиля. Вентиль в глазу придавал гражданину донельзя неприятный вид, и неспроста: постояв позади увлеченно рубящегося в эту свою «Халфу» племянника несколько минут, дядюшка убедился, что ничего приятного, жизнеутверждающего в данной игре нет. Неприятный гражданин бесконечно слонялся по крайне неприятным местам, встречая и размазывая кровавыми кляксами по грязным бетонным стенам всевозможную нечисть. Так и слонялся – с водопроводным вентиляем в глазу. А когда перебил всех и одержал окончательную победу, его, вместо того чтобы подобающим образом наградить, просто усыпили, выключили, как машину, на неопределенный промежуток времени – выключили, надо понимать, посредством того самого вентиля: закрутили, вращая до упора по часовой стрелке, и вся недолга.

Впрочем, прямого отношения к делу данное лирическое отступление, скорее всего, не имеет.

Заснеженный лес безмолвно дремал в ожидании заблудившейся где-то весны. Поники под тяжестью толстых снеговых перин еловые лапы устало и покорно клонились к земле. По контрасту с белизной снега темно-зеленая хвоя казалась почти черной, а извилистые, переплетающиеся друг с другом цепочки птичьих и заячьих следов были, как разведенной в воде акварелью, доверху залиты прозрачной, с сиреневым оттенком, голубизной. Денек выдался солнечный, ясный, с легким морозцем, и сеющаяся с потревоженных случайным прикосновением или легким порывом верхового ветра ветвей кристаллическая снежная пыль вспыхивала в лучах солнца мириадами бриллиантовых искр.

Зима в этом году случилась затяжная, и середина марта больше напоминала разгар февраля – с неожиданными крепкими морозами, столь же внезапными оттепелями и налетающими неведомо откуда (и, главное, зачем) густыми метелями. С позавчерашнего дня синоптики начали пугать москвичей приближением свирепого снежного шторма, грозящего столице очередным транспортным коллапсом; слушая эти прогнозы, уставший от зимы обыватель мученически возводил очи горе, безмолвно, а порою и вслух, вопрошая: «Доколе?!» Эксперты, впрочем, утверждали, что ничего апокалипсического в наблюдаемой погоде нет. Не так уж давно, всего-то лет десять назад, обледенелые сугробы по пояс были для середины

марта вполне привычным явлением, напоминали они, и воспринимать возвращение к климатической норме как очередной знак грядущего конца света стоит едва ли.

В общем, как сказал поэт, у природы нет плохой погоды. Народная мудрость к этому спорному утверждению добавляет: есть плохая одежда. Хорошая одежда, в которой человек остается сухим на дне морском и ни капельки не мерзнет среди ледовых пиков Антарктиды, тоже существует, но позволить ее себе могут далеко не все. И если человек, с головы до ног упакованный в сшитую из самых современных материалов, удобную, легкую, способную играючи противостоять антарктическим холодам обмундировку, все-таки тянет из кармана плоскую серебряную фляжку и принимает пару глотков «для сугреву», это вовсе не означает, что он замерз. Означает это совсем иное, а именно, что данному индивидууму просто нравится хороший коньяк, равно как и процедура принятия его вовнутрь: при ясном солнышке и легком морозце, по колено в схваченном ледяной коркой наста рыхлом мартовском снегу, на свежем воздухе, в заснеженном заповедном лесу и так далее. И еще это означает, что упомянутому индивидууму глубоко начхать как на древние, незабываемые и священные правила охоты, так и на ее конечный результат.

Своевременно напомнив себе об этом, Леонид Иванович Зарецкий деловито поддернул уже наполовину стянутую с правой ладони перчатку и снял со сгиба локтя переломленное во избежание случайного выстрела ружье. Из каналов стволов, как близко посаженные совиные глаза, глянули латунные доньшки гильз с блестящими на солнце медными зрачками капсюлей. Несмотря на постоянную занятость, которую гарантировал высокий пост в министерстве тяжелого машиностроения, Леонид Иванович относился к своему увлечению охотой с полной серьезностью. Перед очередным выездом в поле он часами возился с аптечными весами, щипчиками, капсюлями, стальными трубочками-вырубками и прочей архаичной дребеденью, собственноручно снаряжая патроны: отсыпал, взвешивал, аккуратно, без спешки утрамбовывал, вырубал из войлока и плотного картона пыжи, а в самом конце любовно укладывал выстроенные рядком на столе патроны в уютные кожаные гнездышки патронташа. Где-то в кладовке у него до сих пор хранились формы для отливки пуль и картечи, но с этим делом оказалось слишком много возни. Однажды Леонид Иванович едва не сорвал важные деловые переговоры, накануне нечаянно пролив себе на ногу с чайную ложку расплавленного свинца, после чего решил: все, хорошего помаленьку, где-то надобно и черту провести. После того случая он перестал самостоятельно отливать пули, а заодно и взбадривать себя глоточком-другим коньяка в процессе снаряжения патронов.

Да, к охоте, особенно на крупного зверя, Леонид Иванович Зарецкий относился с полной серьезностью. Здесь, как и в любом другом деле, он привык работать на конечный результат, и именно поэтому лежащая в правом кармане его теплой охотничьей куртки плоская, чуть изогнутая по форме бедра серебристая фляжка осталась нетронутой. Ее время придет немного позже. У зверя острый нюх; не вовремя сделанный глоток или выкуренная час назад сигарета могут сохранить ему жизнь, а тебя оставить с носом. Поэтому сейчас лучше потерпеть, чтобы потом с чувством глубокого удовлетворения сделать-таки этот долгожданный, а главное, заслуженный глоток и сфотографироваться, поставив ногу в облепленном снегом унте на окровавленную клыкастую голову, с ружьем в одной руке и победно воздетой к небу флягой в другой...

В отдалении – впрочем, не так уж и далеко, – послышались многоголосый собачий лай, людские голоса и раскатистые хлопки выстрелов. Леонид Иванович слегка подобрался, вглядываясь в черно-белую путаницу заснеженных ветвей. За спиной раздался знакомый размеренный шорох скользящих по насту подбитых мехом коротких и широких охотничьих лыж.

- Подняли, – негромко произнес прокуренный голос егеря. – Гонят прямо сюда.
- Слышу, – не оборачиваясь, так же негромко откликнулся Зарецкий.

– А выстрел-то, похоже, опять за вами, – с легким оттенком подобострастной зависти сказал егерь. – Ни пуха вам, ни пера!

– К черту, – следуя древней традиции, ответил Леонид Иванович и с характерным кланьем поставил на место блеснувшие тусклым синеватым отливом вороненые стволы.

За спиной снова, теперь уже удаляясь, зашуршали по старинке подбитые мехом лыжи. Охотником Леонид Иванович был опытным, бывалым и дисциплинированным, ввиду чего давно перестал нуждаться в няньках. Зная это, егерь поспешил на другие, занятые новичками номера, где хотя бы теоретически могла возникнуть необходимость в его присутствии и помощи.

Выстрелы, захлебывающийся лай своры и издающие бессмысленные выкрики голоса приближались. Загонщики стреляли в воздух и вместе с собаками драли глотки, направляя зверя на номера. «Из-под елей хлопочут двустволки, там охотники прячутся в тень...» – вспомнилось Леониду Ивановичу. Хрипловатый голос барда, годовщину смерти которого совсем недавно широко отметила страна, как живой, зазвучал в ушах, и Зарецкий усилием воли заставил его замолчать: сейчас было не до песен, да и охотился он нынче вовсе не на волков.

Зарецкий зубами стянул с правой руки теплую перчатку и, прижав к плечу изукрашенный богатой резьбой приклад, обвил указательным пальцем скользкий стылый металл спускового крючка. Солнце светило в спину, кладя на нетронутый снег четкую синеватую тень ели, у подножия которой затаился одетый в белый маскировочный костюм стрелок; легкий ветерок, наоборот, дул почти прямо в лицо – опытный егерь не подкачал, позиция была выбрана просто идеально.

Впереди, немного правее того места, откуда Леонид Иванович ждал появления зверя, темно-зеленой живой пружиной взметнулась, фонтаном разбросав комя придавившего ее снега, потревоженная еловая лапа. Снег еще сыпался с ветвей, напоминая сотканный из нанизанных на нитки клочков ваты театральный задник, когда на открытое место, грубо прорвав эту призрачную, почти бесплотную завесу, вырвался кабан – матерый, повидавший разные виды секач, долго водивший за нос менее удачливых охотников, и вот, наконец-то, выбежавший из чащи прямо навстречу уготованной ему судьбе. Зарецкий плавно сместил стволы ружья, беря на мушку косматое, облепленное снегом клыкастое рыло с маленькими, полными бессмысленной звериной злобы глазами. Из раздувающихся ноздрей струями бил горячий пар, толстый наст с хрустом проваливался под тяжестью громадной, движущейся стремительными рывками туши, разбрасываемый острыми раздвоенными копытами снег широким веером разлетался в разные стороны. Леониду Ивановичу пришло в голову, что кабан здорово смахивает на атакующий танк, и он поспешно отогнал это сравнение, которое казалось неуместным, а главное, таким же, если не более неприятным, чем пресловутый водопроводный вентиль, торчащий оттуда, где у нормальных людей располагается левый глаз.

Да и при чем тут, в самом деле, танк? Если уж проводить такие параллели, обреченный секач больше напоминал мощный локомотив, на полном ходу пробивающийся сквозь снежные заносы.

Зарецкий сердито дернул щекой. Локомотив тоже был не в жилу, ибо относился к числу тем и предметов, которых Леонид Иванович с некоторых пор старался касаться как можно реже.

Посторонние мысли разом вылетели из головы, когда кабан приблизился на расстояние верного выстрела. Он бежал почти прямо на Леонида Ивановича, по-прежнему не замечая его, и в каждом его движении, в наклоне головы, даже в выталкиваемых влажными ноздрями струях пара чувствовалась выпущенная на волю громадная, всепокрушающая, разрушительная мощь. Зарецкий почувствовал привычный в таких случаях выброс адреналина,

ради которого, собственно, в наше цивилизованное время недурно обеспеченные, далеко не голодные, многое могущие себе позволить люди и предаются варварской забаве, когда-то являвшейся одним из немногих способов добыть пропитание для семьи.

Леонид Иванович прицелился кабану в лоб, точно между глаз. Лобная кость у матерого секача прочна, как броня, но Зарецкий был уверен в себе – точнее, в своем ружье, изначально предназначенном для охоты на слонов и свирепых африканских буйволов, по сравнению с которыми наш среднерусский кабан выглядит безобидным, как плюшевый зайка. Это ружье ему презентовали много лет назад в Африке, где на заре карьеры он возглавлял строительство крупного металлургического комбината. Теперь подаренный с барского плеча чернокожим африканским братьям комбинат почти наверняка лежал в руинах, а вот отнятое когда-то у британских колонизаторов уникальное ружье сохранилось и уже не раз приносило своему владельцу богатую добычу, служа предметом постоянной зависти других охотников.

Кабан приближался, волнами взметая снег, а вместе с ним приближался момент истины, точка наивысшего напряжения, пик единоборства человека и зверя. Конечно, крепкие мышцы, мгновенная реакция и помноженная на слепую звериную ярость мощь клыков и копыт – ничто против крупнокалиберной пули с придающим ей вращение вдоль продольной оси хвостовиком, разогнанной в канале без малого полутораметрового ствола. Спора нет, всерьез говорить о настоящем единоборстве в данном случае вряд ли стоило; все это было немножко неспортивно, но вот именно немножко – капельку, совсем чуть-чуть.

Кроме того, вероятность осечки, после которой соотношение сил резко переменится в пользу кабана, хоть и была мизерной, также не исключалась.

– Ну, извини, – одними губами сказал кабану Леонид Иванович и плавно нажал на спуск.

Он отчетливо расслышал сухой металлический щелчок ударившего по капсюлю бойка и мысленно чертыхнулся: ты гляди-ка, накаркал! За повторным движением указательного пальца последовал еще один щелчок – только щелчок, но, увы, не выстрел.

Вот тебе твой момент истины, подумал Зарецкий. Кушай, не обляпайся!

Глядя на стремительно приближающуюся гору свирепого мускулистого мяса, Леонид Иванович быстро, но без суеты сдвинул защелку и переломил ружье. Неожиданно, не к месту и не ко времени, вспомнился недавно просмотренный по телевизору сюжет, касавшийся обстоятельств гибели легендарного советского летчика Валерия Чкалова. Среди мрачных легенд и версий, окружающих это трагическое событие, пронирливые тележурналисты раскопали историю о коробке ружейных патронов, якобы присланной Чкалову в подарок незадолго до смерти. Заядлый охотник, Валерий Павлович не успел воспользоваться подарком – погиб во время испытательного полета на Тушинском аэродроме. Семья передала ставшие ненужными патроны какому-то родственнику, тоже баловавшемуся охотой. При первом же выстреле дробовик дал осечку, а когда стрелок переломил ружье, чтобы заменить негодный патрон, тот неожиданно бабахнул, и выброшенная из ничем не запертого канала ствола гильза просвистела в сантиметре от лица охотника.

Позднее выяснилось (а может, то было просто предположение), что все патроны снабжены замедлителями, дающими небольшую паузу между ударом по капсюлю и воспламенением порохового заряда. Вдова погибшего героя отправила оставшиеся боеприпасы лично Лаврентию Берии, приложив к ним письмо соответствующего содержания, но ответа, естественно, так и не дождалась.

Нащупывая на поясе патронташ, Леонид Иванович успел подивиться причудам своего сознания, которое в самый неподходящий момент подсуло ему эту сомнительную байку. Да хоть бы и не байку, а чистую правду – он-то здесь при чем? Эти патроны ему никто не дарил, он снаряжал их собственными руками и, видимо, ухитрился проморгать парочку негодных, бракованных капсюлей. Или порох подмок... Но когда, как?!

Ответа на этот вопрос Леонид Иванович не получил – видимо, было не суждено. В полном соответствии с каноническим текстом только что вспомнившейся ему легенды патрон в правом стволе неожиданно выпалил сразу в обе стороны. Снабженная придающим продольное вращение хвостовиком свинцовая пуля, взметнув фонтан снега, ушла в сугроб, а латунная гильза – архаичная, довольно дорогая по сравнению с такими же изделиями из картона и пластмассы, но зато пригодная для многократного использования, – оставляя за собой тающий дымный след, ракетой просвистела у самого лица, едва не задев щеку.

Зарецкий инстинктивно отдернул голову, и в это мгновение прозвучал второй выстрел. Рефлекторное движение оказалось роковым: выброшенная мощной струей пороховых газов гильза, которая, не будь его, могла попасть куда угодно или вообще никуда, ударила аккурат в яблочко.

Курящееся синеватым дымком ружье с непомерно длинными стволами и вырезанными на ложе красного дерева сценами охоты на слонов почти беззвучно упало в снег. Напуганный выстрелами кабан резко изменил направление и с раздраженным хрюканьем, хрустя валежником, скрылся в зарослях. С потревоженных ветвей еще некоторое время тихо сыпался снег, но Леонид Иванович Зарецкий этого уже не видел. Он лежал на спине, широко разбросав руки и изумленно глядя в безоблачное, уже начавшее по-весеннему голубеть небо широко открытым правым глазом. На месте левого зияла кровавая дыра, из которой, слабо дымясь, торчал пустой латунный цилиндр ружейной гильзы.

Если бы при этой сцене присутствовал четырнадцатилетний племянник Леонида Ивановича и если бы в кармане у него случайно завалился литой барашек от водопроводного вентиля (маловероятно, конечно, но чего только ни встретишь в карманах у подростков!), возвращенный на кровавых 3D-шутерах бессердечный сопляк, вполне возможно, попытался бы приспособить барашек к торчащей из дядюшкиной глазницы латунной трубке для придания покойнику окончательного сходства с героем любимой игры Гордоном Фрименом. Впрочем, никакой необходимости в таком надругательстве над трупом не было: Леонид Иванович, и при жизни не претендовавший на звание Мистер Вселенная, после своей нелепой кончины выглядел достаточно неприятно и без такого излишества, как торчащий на месте глаза водопроводный вентиль.

* * *

Над морщинистой, свинцово-серой, как всегда перед рассветом, водой длинными косматыми прядями стелился белесый туман. Солнце еще не поднялось, но было уже достаточно светло, чтобы разглядеть встающую впереди отвесную стену неприступных береговых утесов, отороченную поверху курчавой, при таком освещении почти черной, тропической зеленью, а снизу – слегка извилистой, издалека кажущейся неподвижной, белопенной лентой прибоя. «Апач» шел низко, почти над самой водой, что делало его невидимым для радаров. Положа руку на сердце, сержант Камински плохо представлял себе, откуда в этой глуши могут взяться радары, зато точно знал, что осторожность лишней не бывает. Кроме того, пилоту было виднее, в противном случае за штурвалом вертолета сидел бы не он, а кто-нибудь другой – например, сержант ВМФ США Тэд Камински или эта черномазая макака Локсмит.

Его полное имя, записанное в военном билете, было Таддеус Уильям Камински; оставшаяся в Квинсе матушка звала его Тадеушем, но это было уже очень давно. С тех пор, как надел военную форму, он был просто Камински, а когда нацепил шевроны, звать его стали еще проще: сержант.

Приблизившись к береговой линии, которая только издалека выглядела ровной, будто обрезанной гигантским ножом, а в действительности оказалась основательно изрезанной,

вертолет круто набрал высоту, взмыл над лесом и, сейчас же камнем провалившись вниз, едва не задевая салазками макушки деревьев, пошел на юго-запад.

– Не спи, ниггер, – толкнув локтем соседа, круглолицего дурашливого губошлепа по фамилии Арчер, сказал Локсмит. – Лучше помолись за свою черную задницу, пока эти латинос не превратили ее в решето.

– Закрой свою пасть, ниггер, – ответил Арчер и, в свою очередь, ткнул Локсмита локтем в защищенные легким бронежилетом ребра.

Завязавшаяся было шутовская потасовка быстро угасла под тяжелым, многообещающим взглядом сержанта. Тэд Камински не знал сочиненной каким-то русским остряком шутки, но жил в полном с ней соответствии, более всего на свете ненавидя две вещи: расизм и негров, которые, по его наблюдениям, как раз и были самыми отъявленными, махровыми расистами на планете.

С металлическим клекотом и громовым шелестом рассекая лопастями влажный от испарений раскинувшихся внизу джунглей воздух, следуя изгибам постепенно повышающейся местности, вертолет двигался в направлении выступающей из предутреннего тумана горной гряды. Установленный в открытом дверном проеме по правому борту пулемет немного напоминал выставившего наружу нос любопытного пса. Сидящий рядом с ним рядовой первого класса Флинстоун вынул из кармана открытую пачку сигарет, понюхал, глубоко вдохнув терпкий аромат сухих табачных листьев, убрал пачку обратно в карман и, проведя веснушчатой ладонью по огненно-рыжей макушке, со вздохом сказал:

– Скорей бы.

– Не терпится получить свою порцию свинца? – немедленно встрял неугомонный Локсмит.

– Не терпится взглянуть, что это за «Крысиная нора», – невозмутимо ответил Флинстоун.

– Это интересно не тебе одному, – сказал ему Камински. – Именно поэтому мы здесь. А ты, – повернув голову, обратился он к Локсмиту, – заткни пасть и не каркай, пока я не вышвырнул тебя за борт.

– Позвольте, это сделаю я, сержант, – расплывшись в широкой белозубой ухмылке, с готовностью предложил чернокожий Арчер. – Тогда у него не будет оснований подать жалобу на притеснения по расовому признаку.

– Согласен, – с самым серьезным видом кивнул Камински. – Жди моего сигнала, солдат.

– Есть, сэр! – молодежато гаркнул Арчер и дурашливо сложился пополам, получив от соплеменника очередной тычок локтем.

Привалившись лопатками к ощутимо вибрирующему под мягкой стеганой обивкой борту, сержант прикрыл глаза. Люди, даже те, что молчали, немного нервничали, и он их за это не осуждал. Первоначально расположенный в труднодоступном горном районе объект U-8135 носил название «Гнездо орла». Название это наверняка было придумано одним из тех романтиков в погонах, которых полным-полно в любом штабе, и которые, кажется, получают жалованье именно за то, что сочиняют дурацкие, чем нелепее, тем лучше, кодовые названия для объектов и операций, а также всевозможные пароли и опознавательные фразы. Но уже после заброски в этот район первой разведывательной группы название изменилось: с того момента, когда стало окончательно ясно, что группа не вернется, «Гнездо орла» стали называть «Крысиной норой» и никак иначе.

Собственно, само существование в данном районе какого-то объекта до сих пор оставалось под сомнением. Косвенным свидетельством его присутствия стало бесследное исчезновение со сделанных шпионскими спутниками ЦРУ фотоснимков целого участка одного из многочисленных горных ущелий. Странное изменение рельефа заметили слу-

чайно, поскольку эта пустынная, практически не населенная местность никого не интересовала. Но потом кто-то, положив рядышком два снимка, изумленно воскликнул: «Что за чертовщина?!», – и после более детального изучения сделанных в разное время фотографий в штабе признали, что никакой ошибки и путаницы тут нет, а чертовщина, напротив, налицо. Буквально только что, всего сутки назад, на этом месте было ущелье, и вдруг оно исчезло – ну не чертовщина ли, в самом деле?

Разумеется, никакой мистикой тут и не пахло. Даже сержанту Камински было понятно, что, имея желание, чисто технически проделать этот фокус с исчезновением сравнительно несложно. Чтобы на сделанных методом аэрофотосъемки картах глубокое ущелье сменилось мелкой, едва заметной сверху, заросшей густым тропическим лесом котловиной, достаточно всего лишь перекрыть его маскировочными сетями. Иное дело, что для этого должны существовать серьезные причины; столь же, если не более серьезные причины должны иметься для того, чтобы с фантастической по здешним меркам скоростью напрямик через сельву тянуть к исчезнувшему ущелью железнодорожную ветку.

Не стоит и говорить о том, что эти таинственные причины вызвали глубокую заинтересованность у старого доброго дядюшки Сэма, которому есть дело до всего на свете. Старик просто не мог не заинтересоваться тем, что происходит почти у него под боком, в богатой полезными ископаемыми латиноамериканской стране, которая в один прекрасный день вдруг объявила себя независимой и национализировала недра, оттяпав у него изрядный кусок собственности, которую он давно и по праву привык считать своей.

Ничего не зная наверняка, сержант Камински не без оснований предполагал, что агентурные методы получения информации не дали желаемого результата – в противном случае не было бы никакой нужды пускать в ход палубную авиацию и составленные из отборных морских пехотинцев разведгруппы. А о степени испытываемого дядюшкой Сэмом любопытства можно было судить хотя бы потому, что группа Тэда Камински была уже третьей по счету, отправленной в течение полугода в район дислокации объекта U-8135. И Камински надеялся, что ей суждено стать первой, которая в полном составе вернется на базу, чтобы рассказать, наконец, что же представляет собой этот таинственный объект. Он не просто надеялся, а свято верил в это, потому что три – счастливое число. Так утверждала его матушка, а она знала, что говорит, поскольку сменила три страны проживания и пережила трех мужей. Третьей страной, в которой она окончательно осела, стала благословенная Америка, а третий и последний ее муж, благодаря которому миссис Камински и очутилась в числе счастливиц – подданных дядюшки Сэма, мало того, что практически не пил и не давал воли кулакам, так еще и оставил ей в наследство кругленькую сумму.

– Выходим в заданный район, – прозвучал в правом ухе транслируемый миниатюрным микрофоном голос пилота. – Минутная готовность.

– Всем приготовиться, – сев ровнее, скомандовал Камински, – проверить снаряжение.

Снизившись настолько, насколько позволяла растительность, вертолет завис над сельвой в точке, расположенной на расстоянии десяти миль от исчезнувшего со спутниковых снимков ущелья. Поднятый винтами ураган трепал и пригибал книзу макушки деревьев, заставляя густую темно-зеленую листву струиться и идти мелкими волнами, которые концентрическими кругами расходились в стороны, как это бывает, если сильно подуть в самый центр миски с горячим супом. Защелкнув на металлическом поручне стальной карабин десантного троса и немного напряженно улыбувшись показавшемуся над восточным горизонтом краешку солнечного диска, Камински дослал патрон в ствол автоматической винтовки и первым шагнул за борт.

Повисший над морем трепещущей под тугими воздушными струями листвы «апач» уподобился фантастическому гнезду пауков, которые стремительно и беззвучно спускались вниз на удлиняющихся паутинках тросов. Когда последний из них, пробив зеленый полог,

в кружащемся вихре сбитых листьев погрузился в извечный душный сумрак тропического леса, сельва вдруг ожила, взорвавшись хлещущими со всех сторон автоматными очередями.

Пилот почувствовал неладное, только когда одна из них с лязгом простучала по плоскому брюху железной стрекозы. Он резко бросил вертолет в сторону и вверх, и темно-зеленая винтокрылая машина взмыла над сельвой по пологой дуге, увлекая за собой свободно болтающиеся пуповины тросов. На конце одного из них, безвольно свесив руки и ноги, запрокинув голову, животом вверх висел чернокожий зубоскал Локсмит. Над курчавой зеленью джунглей, волоча за собой извилистый дымный хвост, с шипением поднялось продолговатое темное тело. Вовремя заметив опасность, пилот попытался отвернуть, но на такой дистанции шансов уйти от «стингера» у него не было, и спустя секунду вертолет исчез в клубящемся, распухающем на глазах облаке рыжего пламени и жирного черного дыма, из недр которого, бешено вращаясь, разлетались горящие обломки.

Первое, что увидел сержант Камински, придя в себя, было наполовину залитое кровью веснушчатое лицо рыжего Флинстоуна. Рядовой первого класса морской пехоты ВМФ США Флинстоун лежал навзничь на толстом ковре опавшей листвы и перегноя, и по его лицу деловито ползали какие-то мелкие крылатые насекомые. Разом вспомнив все, Камински уперся ладонями в землю и с трудом приподнялся на руках, но тут же снова упал, получив безболезненный, но сильный толчок между лопаток.

В поле его зрения возник начищенный до зеркального антрацитового блеска армейский ботинок с высокой, почти до середины голени, шнуровкой. Ботинок слегка притопывал, как будто от нетерпения или с трудом сдерживаемого желания пуститься в пляс. Вокруг шуршали быстрые шаги, знакомо бряцало оружие и раздавались голоса, что-то быстро, оживленно говорившие по-испански. Поискав глазами, Камински увидел в каком-нибудь полуметре от себя свою винтовку, из которой не успел сделать ни единого выстрела. Он потянулся за ней, уже зная, что из этого ничего не выйдет, и не ошибся: еще один ботинок, приходившийся близнецом тому, что маячил у него перед глазами, аккуратно наступил ему на запястье, пригвоздив руку к пружинящему ковру лесного перегноя.

– Не спеши, гринго, – на довольно чистом английском обратился к нему владелец ботинка. – Тебе больше некуда торопиться. Поверь, то, что тебя ожидает, может подождать еще немного. Без проблем! А вот у тебя серьезные проблемы – ты себе даже не представляешь, насколько серьезные. Поднимайся, живо! Ты ведь хотел посмотреть на «Гнездо орла», верно? Будем считать это последним желанием приговоренного, и я не стану тебе в нем отказывать.

Глава 2

Был такой бородатый и довольно-таки похабный анекдот про двух мужиков в бане. Вообще-то, изначально он повествовал о двух лицах вполне себе определенной национальности, но нынче повсеместно вошла в моду так называемая политкорректность, поэтому пусть будет просто: два мужика. Стоят они, значит, голышом посреди бани и пристально друг на друга смотрят. Полчаса стоят, час, другой, и ни один не шевелится. Даже моргают через раз. Подходит к ним третий и спрашивает: вы чего, мужики, уже который час тут, как два столба, торчите? А один из них ему этак нехотя, сквозь зубы отвечает: «Мыло упало»...

Иногда даже странно становится, какой только мусор ни хранит в себе человеческая память. Это как у Цветаевой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Впрочем, вирши упомянутой поэтессы, вероятнее всего, произрастали все-таки из перегноя почище и пожирнее, чем пресловутый анекдот о закатившемся под банную скамейку обмылке. Вообще, помнить подобную непроизносимую в приличном обществе чепуху подобало бы какому-нибудь находящемуся на полпути к окончательной деградации люмпену, в башке у которого никогда не было, а если и было, то давно уже не осталось ничего, кроме такого вот словесного хлама. Но Юрий Никодимович Кравцов, как по заказу, вспоминал этот глупый, не шибко смешной и далеко не самый свой любимый анекдот всякий раз, когда, стянув нижнее белье и оставшись в натуральном, природном виде, входил в душевую или, скажем, в ванную. В парилку, даже когда там находились дамы (ну ладно, ладно, не дамы – девки), он тоже шастал нагишом, но там история про двух мужиков и коварное мыло ему на ум не приходила никогда. Да оно и понятно: какое в парилке может быть мыло, откуда ему там взяться?!

По телевизору в последнее время стали много трещать про экстрасенсов, магов, колдунов и прочих ведьмаков, будто бы умеющих много всего такого, что недоступно подавляющему большинству простых смертных. Юрий Никодимович во весь этот бред не верил принципиально, а сейчас, сбросив мокрые плавки и автоматически вспомнив про мужиков и мыло, про себя еще и поразился тому, что никакой телепатии и телекинеза на свете, вероятнее всего, не существует. Ну, телекинез – это ладно; это просто аттракцион, который можно за деньги показывать в цирке. Но вот если бы какой-нибудь телепат подслушал, о чем думает, готовясь принять душ, начальник одного из ведущих управлений министерства строительства Кравцов, вышла бы явная неловкость.

Юрий Никодимович был человек простой – что называется, из народа, – никогда этого не стеснялся и даже не думал скрывать от окружающих свое не шибко благородное происхождение. Легко добиться всего, чего душа пожелает, имея папашей дипломата или члена ЦК, а мамашей – народную артистку СССР; еще легче в наше время окончить Оксфорд и сделаться крупным бизнесменом или даже политиком, опираясь на денежки угнездившегося на Рублевке ворюги-олигарха, приходящегося тебе близким родственником. А попробуйте-ка, приехав в семнадцать лет в Москву из глухой алтайской деревни в штопаных портках и с единственной сменой белья в чемоданчике, не просто зацепиться в столице, но и выбиться в люди! Для этого, господа хорошие, нужны острый ум, трудолюбие и железная хватка, которой ни в каком Оксфорде не научат. Вот и нечего тыкать человеку в нос каким-то дурацким анекдотом. Подумаешь, анекдот! Просто маленькая, простительная слабость сильного человека. Не нарочно ведь Юрий Никодимович его вспоминает – само вспоминается. Самопроизвольно, как чихание или это... ну, когда, бывает, гороха на ночь переешь.

Яркое утреннее солнце весело било в высокие и узкие, как бойницы, стрельчатые окна, что по трем сторонам периметра опоясывали просторный двадцатипятиметровый бассейн. Изнутри бассейн был выложен мальтийской плиткой, цвет которой постепенно менялся от

бледно-голубого к сочному, насыщенному ультрамарину, создавая впечатление настоящей глубины. Впервые в жизни воду такого чистого, без примесей, синего цвета Юрий Никодимович увидел в возрасте двадцати восьми лет в открытом море под Балаклавой, где, если верить капитану прогулочного катера, глубина превышает сто метров. Прогрызая себе путь наверх без посторонней помощи, он многое увидел, узнал и попробовал гораздо позже своих более удачливых сверстников, но ни о чем не жалел и никому не завидовал. Лучше поздно, чем никогда; к тому же то, чего добился сам, и на вкус слаще, и ценится дороже. Да и воспринимать новую информацию с возрастом начинаешь иначе, чем в юности, гораздо объективнее, правильнее и полнее.

Вода беспорядочно плескалась в кафельной чаше, дробя солнечные блики и понемножку успокаиваясь. Высокий, как в боковом притворе храма, сводчатый потолок отражал и множил мокрые шлепки и плеск, возвращая их гулким эхом. Пользуясь тем, что его никто не видит, Кравцов самодовольно усмехнулся. Здесь, в недавно достроенном загородном доме, ему нравилось все, даже эхо; нечего и говорить, что больше всего прочего в этом доме, как и на всем белом свете, Юрию Никодимовичу нравился он сам.

А почему бы, собственно, и нет?

С того далекого, полузабытого за давностью дня, когда Кравцов впервые увидел неправдоподобно ультрамариновую воду на выходе из Балаклавской бухты и понял, наконец, почему море так часто называют синим, прошло почти полных двадцать два года – целая, как ему когда-то казалось, жизнь. За эти годы он многое успел повидать, объездил всё постсоветское пространство и половину земного шарика в придачу, возмужал, заматерел и вошел в настоящую силу. Помимо нескольких десятков глупых анекдотов, память бережно хранила воспоминания о множестве сказочных, экзотических мест, где Юрий Никодимович побывал, и приятных, веселых, а зачастую очень полезных людей, с которыми он познакомился и завязал приятельские отношения. Он жил на полную катушку, работал с полной отдачей; бабы его любили, друзья уважали, а начальство ценило, признавая его высокие заслуги и отменные деловые качества.

Так почему бы, в самом деле, ему себе не нравиться? Вон ведь он какой удалец! Полвека за плечами, в январе отпраздновал юбилей, пенсия не за горами, а до сих пор как огурчик!

Размашистым движением, почти не глядя, нацепив на крючок вешалки мокрые, капающие слегка хлорированной водицей плавки, Юрий Никодимович повернулся лицом к укрепленному на стене раздевалки большому зеркалу, поднял согнутые в локтях руки на уровень плеч, втянул живот, выпятил грудь и напряг бицепсы – не как современный культурист на подиуме, а как старинный цирковой борец на арене. Хотя силенкой папа с мамой его не обделили, на культуриста он и вправду не тянул. Поросшее пучками жестких темных волос бледное коренастое тело уже заметно одрябло и заплыло жирком, живот округлился, а грудь начала приобретать сходство с трясущимся, не влезающим ни в один лифчик бесполезным выменем растолстевшей старухи. Словом, огурчик уже слегка подувал, но заметно это было только вот так, без одежды, при беспощадно ярком дневном свете, соперничающем со светом люминесцентных ламп.

Да, огурчик стал уже не тот, что прежде. Вон, и хвостик обвис... Но это временно – так сказать, ввиду отсутствия в ближайшем обозримом будущем перспектив практического применения. А так он у нас еще о-го-го! По крайности, до сих пор никто не жаловался.

Взявшись обеими руками за основание своего «хвостика», начальник одного из ведущих управлений министерства строительства Юрий Никодимович Кравцов помахал им своему зеркальному двойнику. Двойник ответил тем же неприличным жестом.

– Дурак, – сказал ему Юрий Никодимович. – Посмотри на себя! Взрослый, солидный мужик, а чем занимаешься?

Пристыженный двойник убрал руки оттуда, где им в данный момент решительно нечего было делать, повернулся налево и, сделав три шага, скрылся из вида за краем зеркала – разумеется, не сам по себе, а копируя движения Юрия Никодимовича, который, бросив валять дурака, направился, наконец, в душ.

В просторной душевой было пусто, сухо и чисто, как в операционной. Такое излишество, как пластиковые кабинки, здесь отсутствовало ввиду полной ненадобности. Насвистывая мотив старой песенки, которая начиналась словами «Закаляйся, если хочешь быть здоров», Кравцов прошлепал босыми ногами по кафелю своего любимого темно-синего цвета. На сухом кафеле оставались мокрые отпечатки его подошв, судя по которым, Юрий Никодимович страдал плоскостопием. Хромированная стойка душа без единого пятнышка известкового налета блестела, как узкое кривое зеркало, в котором маячило искаженное до полной неузнаваемости отражение приближающегося Кравцова. Его любимая веревочная мочалка висела на специальном крючке слева от стойки; справа, на сверкающей хромом полочке, расположились прочие принадлежности – свежий кусок душистого мыла и бутылочка шампуня против перхоти.

Впрочем, пардон: шампунь куда-то подевался. Мыло лежало на месте, а вот белую с синей крышечкой бутылку как корова языком слизала. Или он просто забыл ее принести?

Даже не успев толком удивиться, Юрий Никодимович сделал еще один шаг и вдруг поскользнулся – не слегка, а всерьез, по полной программе. Правая нога стремительно поехала вперед по внезапно сделавшемуся скользким, как покрытый тончайшей водяной пленкой оттепельный лед, кафелю, и взметнулась в воздух, как будто Юрий Никодимович пробивал победный пенальти. Беспорядочно машущие в поисках опоры руки встречали только пустоту, заставляя сожалеть об излишнем, как теперь выяснилось, размахе, с которым было построено данное помещение.

Совершив немислимый, фантастический пируэт, Кравцов каким-то чудом сумел удержать равновесие. Но в тот самый миг, когда правая нога наконец-то коснулась пяткой пола, левая вдруг решила пойти по ее стопам и, в свою очередь, неудержимо рванулась вперед. Панический удар правой пяткой по кафелю только усугубил ситуацию – пол оказался залит сплошным тонким слоем жидкого мыла, и необдуманно резкое рефлекторное движение поставило в деле жирную точку: Юрий Никодимович рухнул, как срубленное дерево.

– Мыло, б...дь, упало, – успел выговорить он уже в падении, а в следующую секунду его затылок с коротким неприятным треском вошел в соприкосновение с темно-синим, цвета балаклавской воды, кафелем.

Примерно с минуту в душевой ничего не происходило. Поросшее пучками жестких темных волос обнаженное тело неподвижно лежало в почти невидимой на фоне блестящего кафеля прозрачной луже жидкого мыла. Из-под его головы медленно и беззвучно расплзлась еще одна лужа, имевшая другой, густой и темный вино-красный цвет.

Потом в тишине послышались легкие шаги, и в кривом зеркале хромированной трубы душевой стойки показались очертания еще одной человеческой фигуры. С головы до ног затянутый в черное человек осторожно, чтобы не поскользнуться, приблизился к лежащему в мыльной луже телу и, присев на корточки, пощупал пульс. Пульс отсутствовал. Исполняя предсмертный балетный номер на скользком полу, покойный начальник управления министерства строительства развернулся лицом к выходу, и теперь его расколовшаяся, как гнилой орех, голова лежала почти под воронкой душа, в десятке сантиметров от закрытого металлической решеткой сточного отверстия в полу. Человек в черном слегка пожал плечами, безмолвно отдавая дань уважения фортуне, которая по-прежнему оставалась его верной союзницей: такое расположение тела не было необходимым, но представлялось весьма удачным, являя собой маленький дополнительный бонус – что-то вроде премии за безупречно выполненную работу.